

ФРЕД БАРГАС

MASTER**DETECTIVE**

FRED VARGAS

TEMPS GLACIAIRES

MASTERDETECTIVE

ФРЕД ВАРГАС

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Перевод с французского
Марии Зониной

издательство АСТ

Москва

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4ФРА)-44

В18

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Варгас, Фред

В18 Холодное время : роман / ФРЕД ВАРГАС ; пер. с франц. М. ЗОНИНОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 512 с. (Master Detective)

ISBN 978-5-17-095148-2

Детективные романы про неподражаемого комиссара Адамберга принесли французской писательнице Фред Варгас мировую известность. Первая книга с его участием “Человек, рисующий синие круги” вышла четверть века назад, и с тех пор этот вечно витающий в облаках гений соперничает в популярности с Шерлоком Холмсом и Эркюлем Пуаро.

“Холодное время”, долгожданный новый роман Варгас, ставит Адамберга перед странной загадкой: мужчина и женщина за много километров друг от друга покончили с собой, оставив вместо прощальной записки один и тот же таинственный рисунок. Расшифровать его не под силу даже известному эрудиту майору Данглару. Следы теряются в ледяных пространствах и далеких страшных временах. Адамбергу ничего не остается, как пуститься в погоню за призраками.

Книги Фред Варгас, отмеченные престижнейшими наградами, читают на тридцати двух языках. По ним снимают фильмы, выпускают комиксы, теле- и радиосериалы. “Холодное время” удостоено французской премии Ландерно.

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4ФРА)-44

ISBN 978-5-17-095148-2

© Fred Vargas et Editions Flammarion, Paris, 2015

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2017

© Louise Oligny, фотография на обложке

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Глава 1

Ей осталось всего двадцать метров, каких-то несчастных двадцать метров до почтового ящика, но пройти их оказалось труднее, чем она ожидала. Ну вот еще, сказала она себе, не бывает ни несчастных метров, ни счастливых. Метры они и есть метры. Смешно, что даже на пороге смерти, так сказать на полпути к вершине, упорно думаешь о какой-то белиберде, хотя, казалось бы, самое время изречь исключительно важную сентенцию, которая навеки войдет в анналы мудрости человеческой. И сентенцию эту будут потом передавать из уст в уста: “А знаете ли вы, каковы были последние слова Алисы Готье?”

Может, ни о чем эпохальном она и не могла поведать миру, но тем не менее ей надо было передать важнейшее сообщение, и вот оно-то точно войдет в анналы гнусности человеческой, гораздо более обширные, чем анналы мудрости. Она взглянула на письмо, дрожавшее в ее руке.

Ну, еще каких-нибудь несчастных шестнадцать метров. С порога дома за ней наблюдала Нюэми, готовая

вмешаться при первом же ее неверном шаге. Ноэми чего только не испробовала, чтобы отговорить свою пациентку от самостоятельного путешествия по улице, но ей пришлось уступить царственной воле Алисы Готье.

— Вы что, хотите адрес подглядеть у меня из-за плеча?

Ноэми оскорбилась, она не из таких.

— Все мы из таких, Ноэми. Один мой приятель — старый проходимец, замечу в скобках — всегда говорил мне: “Хочешь сохранить секрет, храни его”. Я свой секрет хранила долго, но с ним мне будет тяжело взобраться на небо. Впрочем, у меня и так нет никакой гарантии. Не путайтесь под ногами, Ноэми, дайте пройти.

Пошевеливайся, Алиса, а то Ноэми прибежит. Она оперлась на свои ходунки и продвинулась еще на девять метров, ну, на восемь счастливых метров уж точно. Надо теперь миновать аптеку, потом чистку, потом банк, и она у цели — у желтого почтового ящика. Но стоило ей улыбнуться в предвкушении близкой победы, как вдруг у нее помутилось в глазах, и, разжав руки, она рухнула возле женщины в красном, которая, вскрикнув, подхватила ее. Содержимое сумки рассыпалось по земле, письмо выскользнуло из рук.

Выбежала и засуетилась аптекарша, задавая вопросы и ощупывая ее, а женщина в красном, собрав в сумку все вывалившиеся предметы, положила ее рядом с пострадавшей. Вот она и доиграла свою скромную роль, “скорая” уже в пути, больше ей тут делать нечего; она поднялась и отошла в сторону. Она бы и рада как-то помочь, задержаться чуть дольше на месте происше-

ствия и уж по крайней мере назвать свою фамилию спасателям, как раз прибывшим в большом количестве, но не тут-то было, всем заправляла аптекарша вместе с заполошной теткой, которая представилась сиделкой: она то кричала, то всхлипывала, ах, мадам Гютье наотрез отказалась, чтобы она ее сопровождала, а живет она в двух шагах, в доме 33-бис, и вообще она ни в чем не виновата. Пожилую даму уложили на носилки. Ладно, девочка моя, тебя это уже не касается.

Еще как касается, подумала она, уходя, ведь она буквально протянула ей руку помощи. Подхватила и уберегла от удара головой об асфальт. Может, она ей жизнь спасла, кто осмелится утверждать обратное?

В первых числах апреля в Париже потеплело, но все равно холод собачий. Собачий холод. Почему собачий, а не какой-то другой? Собаки как-то по-особому мерзнут? Мари-Франс нахмурилась, ее раздражали такого рода пустяковые вопросы, роившиеся в голове словно назойливая мошкара. И это в такую минуту, когда она только что спасла жизнь человеку! А когда не собачий, то какой? Она одернула красное пальто и сунула руки в карманы. В правом ключи, кошелек, а слева какая-то плотная бумажка, хотя она туда ничего не клала. Левый карман предназначался для проездного и сорока восьми центов на хлеб. Она остановилась под деревом, чтобы все спокойно обдумать. Бумажка оказалась письмом той несчастной дамы. *Семь раз отмерь свою мысль, один раз отрежь*, вечно твердил ей отец, только за всю жизнь он так ни разу ничего и не отрезал. Да и отмерить ему наверняка удалось

раза четыре, не больше. Конверт был надписан дрожащей рукой, а на обороте значились имя и фамилия отправительницы — Алиса Готье, — выведенные крупными пляшущими буквами. Да, это ее письмо. Опасаясь, что поднимется ветер, Мари-Франс быстро подобрала документы, бумажник, лекарства и носовые платки и запихнула ей все обратно в сумочку, в спешке сунув письмо себе в карман. Конверт приземлился по другую сторону от сумки, наверное, та дама несла его в левой руке. Вот, значит, что она решила осуществить без посторонней помощи, размышляла Мари-Франс, — опустить письмо.

Может, отнести его ей? Куда, интересно? Ее увезла “скорая” непонятно в какую больницу. Отдать сиделке в доме 33-бис? Тише, тише, девочка моя. Семь раз отмерь. Если дамочка Готье на свой страх и риск отправилась в одиночку к почтовому ящику, значит, ей было важно, чтобы письмо ни в коем случае не попало в чужие руки. Семь раз отмерь, но не десять все-таки и не двадцать, добавлял отец, а то весь пар уйдет в свист. Некоторые вот еле ворочают мозгами, аж смотреть больно, взять хотя бы дядю твоего.

Нет, сиделка не годится. Не зря же мадам Готье пустилась в свой поход без нее. Мари-Франс осмотрелась в поисках почтового ящика. Вон виднеется желтый прямоугольник, по ту сторону площади. Мари-Франс разгладила конверт на коленке. Получается, что она облечена особой миссией, она спасла этой женщине жизнь и теперь спасет ее письмо. Готье написала его, чтобы отправить по почте, разве не так? То есть ниче-

го дурного она не совершает, как раз напротив. Она бросила письмо в отсек для “пригородов”, несколько раз проверив, что речь идет именно об Ивлине, 78-м департаменте. Семь раз, Мари-Франс, а не двадцать, а то это письмо никогда никуда не уйдет. Затем она просунула пальцы под заслонку, чтобы убедиться, что конверт благополучно упал вниз. Дело сделано. Последняя выемка корреспонденции в восемнадцать часов, сегодня пятница, адресат получит его рано утром в понедельник.

День удался, девочка моя, удался на славу.

Глава 2

Собрав на совещание свою команду, комиссар Бурлен из 15-го округа в нерешительности кусал губы, сложив руки на толстом животе. Когда-то он был мужик хоть куда, вспоминали коллеги, но вдруг за пару лет заплыл жиром. Правда, авторитета он не утратил, достаточно посмотреть, с каким почтением ему внимали подчиненные. Даже когда он шумно и чуть ли не напоказ сморкался, вот как сейчас. Весенний насморк, пояснил он. Он ничем не отличается от осеннего и зимнего насморка, но в его весенности таится что-то воздушное, слегка необычное и даже жизнерадостное, скажем так.

— Надо закрывать дело, комиссар, — сказал Фейер, самый неугомонный из его лейтенантов, выразив таким образом общее мнение. — С момента смерти Алисы Готье прошло уже шесть дней. Это самоубийство, тут и думать нечего.

— Не люблю самоубийц, не оставляющих предсмертной записки.

— Тот парень с улицы Конвансьон, два месяца назад,

тоже ничего не оставил, — возразил бригадир, не уступавший комиссару в весе.

— Он был пьян в стельку, жил один, без гроша в кармане, при чем тут он. В нашем случае речь идет о женщине, ведущей упорядоченный образ жизни, преподавательнице математики на пенсии, у нее жизнь как открытая книга, и мы изучили ее вдоль и поперек. А еще мне не нравятся самоубийцы, которые утром моют голову и прыскаются духами.

— А что, — раздался чей-то голос, — умирать, так с музыкой.

— Итак, тем вечером, — продолжал комиссар, — Алиса Готье, надев костюм и надушившись, наполняет ванну, снимает туфли и садится в воду одетая, чтобы перерезать себе вены?

Бурлен взял сигарету, вернее, две сигареты, потому что ему не удавалось вытаскивать их из пачки по одной своими толстыми пальцами, и вторая так и оставалась лежать на столе. По той же причине он не пользовался зажигалкой, ему было никак не попасть в маленькое колесико, поэтому его карман оттягивал увесистый коробок спичек каминного формата. Он лично постановил, что именно в этой комнате комиссариата можно курить. От запрета на курение он впадал в ярость, ведь в то же самое время на живых существ — именно что существ, всех существ на свете — выплескивали по тридцать шесть миллиардов тонн CO_2 в год. Тридцать шесть миллиардов, с расстановкой повторял он. И что, теперь нельзя затянуться даже на перроне, под открытым небом?

— Комиссар, она умирала и знала об этом, — упорствовал Фейер. — Нам ее сиделка сказала, что в про-

шлую пятницу Готье решила самостоятельно опустить письмо, вся из себя такая гордая и волевая, но ей это не удалось. В итоге, пять дней спустя она вскрыла себе вены.

— Возможно, это письмо и было ее прощальным посланием. Чем и объясняется его отсутствие у нее дома.

— А то и последней волей.

— Кому оно тогда предназначалось? — перебил комиссар, глубоко затянувшись. — Наследников у нее нет, да и сбережений в банке всего ничего. Ее нотариус не получал нового завещания, так что ее двадцать тысяч евро пойдут на охрану белых медведей. И несмотря на утерю такого важного письма, она кончает с собой, вместо того чтобы заново написать его?

— Дело в том, что к ней заходил какой-то молодой человек, — возразил Фейер. — Он появился в понедельник, потом еще раз во вторник, сосед в этом уверен. Он слышал, как тот позвонил в дверь, сказав, что пришел, как и договаривались. Обычно в это время, с семи до восьми вечера, Готье всегда дома одна. Следовательно, встречу ему назначила она сама. Она вполне могла передать ему лично свою последнюю волю, и тогда письмо уже можно было не писать.

— Неведомый молодой человек, который к тому же бесследно исчез. На похоронах были только пожилые родственники. Ни единого юноши. Так что? Куда он делся? Если они были настолько близки, что она срочно его вызвала, то он либо родственник, либо друг. В таком случае он пришел бы на похороны. Но не тут-то было, он буквально растворился в воздухе. В воздухе, напоминая, перенасыщенном углекислым газом. Кста-

ти, сосед говорит, что, позвонив в дверь, он назвал себя. Как его там?

— Ему было плохо слышно. Андре или “Деде”, он толком разобрал.

— Андре — стариковское имя. Как он определил, что это был молодой человек?

— По голосу.

— Комиссар, — вмешался другой лейтенант, — судья требует закрыть дело. На нас висит еще лицеист с ножевыми ранениями и нападение на женщину в паркинге Вожирар.

— Знаю, — сказал комиссар, хватая вторую сигарету, лежавшую рядом с пачкой. — Мы с ним вчера побеседовали. Если это можно назвать беседой. Самоубийство — и точка, закрыть дело и работать дальше, а что мы похороним улики, пусть ничтожные, но все же, затопчем их, как одуванчики, так кого это волнует.

Одуванчики, размышлял он, обездоленные слои цветочного общества, их не уважают, попирают ногами и скормливают кроликам. А вот на розы наступить почему-то никому и в голову не придет. И кроликам их не скормят. Все умолкли, не зная, чью сторону принять — нетерпеливого нового судьи или комиссара, пребывавшего в дурном расположении духа.

— Ладно, закроем дело, — вздохнул Бурлен, словно признавая физическое поражение. — При условии, что мы все же попытаемся расшифровать знак, который она нарисовала возле ванны. Он очень четкий, вмятый, но что это — неизвестно. Вот вам ее прощальное послание.

— Пойди пойми его.

— Позвоню Данглару. Может, он разберется.

Хотя, подумал Бурлен, возвращаясь к той же мысли, одуванчики — цветы стойкие, а розы то и дело хворают.

— Майору Адриену Данглару? — вмешался кто-то из бригадиров. — Из угрозыска тринадцатого округа?

— Ему самому. Он знает такие вещи, которые вам и за тридцать жизней не узнать.

— Но ведь за ним, — прошептал бригадир, — стоит комиссар Адамберг.

— И что? — спросил Бурлен, величественно поднимаясь с места и упираясь кулаками в стол.

— И ничего, комиссар.

Глава 3

Адамберг взял телефон, отодвинул от себя стопку папок и, откинувшись в кресле, положил ноги на стол. Одна из его сестер умудрилась непонятно как подхватить воспаление легких, и сегодня ночью он глаз не сомкнул.

— Женщина из дома 33-бис? — спросил он. — Вскрыла вены, сидя в ванне? Зачем ты мне морочишь этим голову в девять утра? Судя по внутренним рапортам, это самое что ни на есть очевидное самоубийство. Ты сомневаешься?

Адамбергу нравился комиссар Бурлен. Любитель пожрать, выпить и покурить, с бьющей через край энергией, Бурлен жил на всю катушку, ходил по краю пропасти, был тверд как кремь и курчав, как юный барашек, и вызывал уважение своим жизнелюбием — он и в сто лет не уйдет на пенсию.

— Наш новый судья, Вермийон, в порыве служебного рвения присосался ко мне как клещ, — сказал Бурлен. — А ты знаешь, какие они, клещи эти?

— А то! Если обнаружишь родинку с ножками, значит, это клещ.

— И что делать?

— Вынуть его специальным крючком вроде крохотного гвоздодера. Ты мне за этим позвонил?

— Нет, из-за судьи, это просто-напросто огромный клещ.

— Хочешь, мы вместе его вытащим огромным гвоздодером?

— Он требует закрыть дело, а я не хочу.

— Аргументы?

— Самоубийца, надушившись и вымыв утром голову, не оставила прощального письма.

Адамберг, закрыв глаза, дал Бурлену выговориться.

— Непонятный знак? Возле ванны? И какой помощи ты от меня ждешь?

— От тебя никакой. Пришли мне голову Данглара. Вдруг он знает. Да и вообще кто, если не он. Хотя бы для очистки совести.

— Одну только голову? А тело куда деть?

— Отправь следом, если можешь.

— Данглара еще нет. Как тебе известно, его расписание меняется день ото дня. Вернее, вечер от вечера.

— Будь добр, вытащи его из койки, я жду там вас обоих. И еще, Адамберг, со мной будет один бригадир, юный козел. Ему надо пообтереться.

Сидя на старом диване у Данглара, Адамберг пил крепкий кофе в ожидании, пока майор соберется. Он решил, что быстрее будет заехать к нему, взять за шкурку и загрузить прямо в машину.

— Вы мне даже побриться не даете, — возмутился Данглар, сгибая свое длинное вялое тело, чтобы посмотреть в зеркало.

— Вы и на службу, случается, приходите небритым.

— Тут другое дело. Меня пригласили в качестве эксперта. А все эксперты чисто выбриты.

Адамберг отметил про себя наличие двух пустых бутылок на журнальном столике, валявшийся на полу стакан и еще влажный ковер. Белое вино не оставляет пятен. Данглар, видимо, заснул прямо на диване, не беспокоясь на этот раз, что на него с укором посмотрят дети. Своих пятерых отпрысков он выращивал бережно, словно искусственный жемчуг, а теперь близнецы выросли и умотали на университетский кампус, и эта брешь в семейных рядах не улучшила положение вещей. Но все же оставался еще самый маленький, голубоглазый, тот, что не от Данглара. Уходя от него, жена оставила ему ребенка, почти младенца, и даже не обернулась в коридоре, как он сотни раз им рассказывал. В прошлом году, рискуя с ним насмерть поссориться, Адамберг взял на себя роль палача и отволол Данглара к врачу, где пьяный майор, ни жив ни мертв, ждал результата анализов. Анализы оказались безупречными. Бывают же счастливики, которые всегда выходят сухими из воды, точнее не скажешь, и майор мог похвастаться в числе прочих и этим редким даром.

— А собственно, зачем я нужен? — спросил Данглар, поправляя запонки. — Что там у них? Иероглиф какой-то, да?

— Прощальный рисунок самоубийцы. Знак, не поддающийся расшифровке. И комиссар Бурлен крайне этим озабочен, он хочет понять, что это такое, прежде чем закрыть дело. Судья вцепился в него как клещ. Очень жирный клещ. В нашем распоряжении всего несколько часов.

— А, так это Бурлен, — сказал Данглар, расслабившись, и одернул пиджак. — Он боится, что новый судья закатит истерику?

— Он боится, что тот, как всякий уважающий себя клещ, впрыснет ему яд.

— Он боится, что тот, как всякий уважающий себя клещ, впрыснет ему содержимое своих слюнных желез, — уточнил Данглар, повязывая галстук. — Это вам не змея и не блоха. И кстати, клещ вообще не насекомое, а паукообразное.

— Ясное дело. И что вы думаете о содержимом слюнных желез судьи Вермийона?

— Ничего хорошего, если честно. Кроме того, я не специалист по заковыристым знакам, а сын шахтера, — напомнил майор не без гордости. — Я так, понахватался того-сего.

— Тем не менее он очень на вас рассчитывает. Для очистки совести.

— Ну, раз в кои-то веки мне предлагают сыграть роль совести, грех отказываться.

Глава 4

Данглар сел на бортик голубой ванны, той самой, в которой Алиса Готье вскрыла себе вены. Он смотрел на боковую стенку белого туалетного шкафчика, где она начертила нечто косметическим карандашом. Адамберг и Бурлен с бригадиром молча ждали рядом, в тесной ванной комнате.

— Скажите что-нибудь, не стойте над душой, черт возьми, я не Дельфийский оракул, — воскликнул Данглар, раздраженный тем, что не смог сразу расшифровать неведомый знак. — Бригадир, будьте так любезны, принесите кофе, меня буквально из постели вытащили.

— Из постели или из бара на рассвете? — шепнул Бурлену бригадир.

— У меня тончайший слух, — сказал Данглар. Элегантно примостившись на бортике видавшей виды ванны, он по-прежнему не отрывал взгляда от знака. — Я не просил вас комментировать мои слова, я просил кофе, причем очень вежливо.

— Кофе, — подтвердил Бурлен, проворно обхватив толстой рукой локоть бригадира.

Данглар вытащил из заднего кармана скрученный блокнот и срисовал узор: что-то вроде заглавной буквы *H*, только поперечная полоса начерчена с наклоном. С ней переплеталась еще одна вогнутая линия.

— С ее инициалами это никак не связано? — спросил Данглар.

— Ее звали Алиса Готье, в девичестве Вермон. При этом ее второе и третье имя — Кларисса и Анриетта, а “Анриетта” на письме начинается с непроизносимой буквы *H*, *Henriette*.

— Нет, — мотнул головой Данглар, так что задрожали его вялые щеки, оттененные седой щетиной. — Это не *H*. Поперечная линия идет явно по косой и уверенно поднимается вверх. И это не подпись. Подпись рано или поздно мутирует, вбирая в себя личность автора, в ней появляется наклон, она деформируется, ужимается. В этой же букве нет ничего индивидуального. Мы скорее имеем дело с прилежным, даже школярским воспроизведением некоего знака или аббревиатуры, причем достаточно непривычной для писавшего. Он вывел ее, может быть, всего один раз, ну пять, никак не больше. Это работа усердного, старательного ученика.

Бригадир вернулся с кофе и не без вызова сунул в руку Данглару обжигающий пластиковый стаканчик.

— Спасибо, — пробормотал майор, никак на его хамство не отреагировав. — Если она покончила с собой, то это указание на тех, кто ее довел до самоубийства. Зачем ей тогда зашифровывать свое сообщение? Она боялась? За кого? За своих близких? Она как бы призывает к поискам, никого при этом не выдавая. Если же ее убили — ведь именно этот вопрос терзает вас, Бурлен? — она явно намекает на преступников. Но опять же, почему так заковыристо?

— Это наверняка самоубийство, — угрюмо буркнул Бурлен.

— Вы позволите? — спросил Адамберг. Прислонившись к стене, он не без задней мысли вытащил из кармана пиджака помятую сигарету.

Комиссар Бурлен, словно по мановению волшебной палочки, тут же зажег длиннющую спичку и тоже закурил. Бригадир в сердцах выскочил из задымленной ванной и застыл на пороге.

— Чем она занималась? — спросил Данглар.

— Преподавала математику.

— Опять мимо. Наш символ не имеет отношения ни к математике, ни к физике. Это ни знак зодиака, ни пиктограмма. Масоны и сатанисты тут тоже ни при чем. Это все не то. — Он что-то недовольно пробормотал про себя, с серьезным видом. — Разве что, — продолжал он вслух, — это древнескандинавская буква из какой-нибудь руны или даже японский или китайский иероглиф. Там бывают *Н* такого типа, с наклонной перемычкой. Правда, без вогнутой линии.

В этом-то и загвоздка. Остается гипотеза небрежно написанной буквы из кириллической азбуки.

— Кириллица? Вы имеете в виду русский алфавит? — спросил Бурлен.

— Русский, а также болгарский, сербский, македонский, украинский, выбор большой.

Адамберг пресек взглядом ученую речь о кириллице, которую явно собрался произнести майор. И Данглар, сделав над собой усилие, с сожалением отказался от мысли рассказать историю Кирилла и Мефодия, придумавших этот алфавит.

— В кириллице существует буква “Й”, не путайте с “И”, — объяснил он, нарисовав их в блокноте. — Как видите, сверху над “Й” ставится вогнутая закорючка, что-то вроде крохотной чашечки.

Данглар снова поймал взгляд Адамберга и замолк на полуслове.

— Если предположить, — вновь заговорил он, — что ей пришлось вытянуть руку, чтобы начертить этот знак, то, учитывая расстояние между ванной и стенкой шкафчика, она могла добавить эту чашечку посередине, а не сверху, как следовало бы. Но, если я не ошибаюсь, это “Й” крайне редко встречается в начале слова, то есть вряд ли это первая буква имени или фамилии. И все же надо бы проверить, нет ли у нее в телефоне или в записной книжке кого-нибудь, кто мог бы писать кириллицей.

— Пустая трата времени, — тихо возразил Адамберг.

Тихо — не для того, чтобы пощадить Данглара. За редким исключением комиссар вообще не повышал голоса, говорил размеренно и не торопясь, рискуя усыпить окру-

жающих минорностью своих интонаций, чем-то притягательных для некоторых собеседников и оказывавших почти гипнотическое действие на других. Результаты допроса оказывались разными в зависимости от того, кто его проводил — комиссар или один из его подчиненных. У Адамберга все либо впадали в дрему, либо, наоборот, раздражались внезапно целым потоком признаний, словно он вытаскивал их, как магнитом строптивые гвозди. Комиссар не придавал этому особого значения, признавая, впрочем, что и сам мог нечаянно заснуть.

— Почему это пустая трата времени?

— Потому, Данглар. Лучше для начала выяснить, был ли этот вогнутый штрих проведен до или после наклонной черты. То же касается и двух вертикальных линий — их начертили до? Или после?

— Какая разница? — спросил Бурлен.

— И еще вопрос, — продолжал Адамберг, — была ли наклонная черта проведена слева направо или справа налево.

— Разумеется, — согласился Данглар.

— Наклонная черта напоминает зачеркивание, — сказал Адамберг. — Но только при условии, что она уверенно проведена слева направо. Если улыбочку нарисовали до того, значит, ее потом перечеркнули.

— Какую улыбочку?

— Я хочу сказать — выгнутую закорючку. В форме улыбки.

— Вогнутую, — поправил Данглар.

— Ради бога. Если рассматривать этот штрих отдельно, он похож на улыбку.

— Улыбку, которую решили уничтожить, — предположил Бурлен.

— Вроде того. Что касается вертикальных линий, то они, возможно, просто обрамляют ее, тогда получается что-то типа упрощенного изображения лица.

— Очень уж упрощенного, — сказал Бурлен. — И все это притяннуто за уши.

— Еще как притяннуто, — согласился Адамберг. — Но проверить не мешает. В каком порядке пишут эту букву кириллицей, Данглар?

— Сначала первую вертикальную линию, потом наклонную, потом вторую вертикальную. И в последнюю очередь, как и у нас, добавляются надстрочные знаки.

— Следовательно, если чашечку написали сначала, то о небрежно написанной кириллической букве можно забыть, — сказал Бурлен, — и не терять время на поиски русской фамилии в ее ежедневниках.

— Или македонской. Или сербской, — добавил Данглар.

Огорченный неудачей, Данглар плелся, шаркая ногами, следом за своими коллегами, а Бурлен тем временем раздавал указания по телефону. Вообще-то Данглар шаркал всегда, отчего подошвы его ботинок изнашивались со страшной скоростью. Поскольку майор, не имея веских оснований делать ставку на красоту, стал приверженцем истинно английской элегантности, обновление лондонской обуви создавало ему массу проблем. И каждого, кто собирался пересечь Ла-Манш, он просил привести ему очередную пару.

На бригадира произвели сильное впечатление те крупницы знаний, которыми успел поделиться Данглар,

и теперь он покорно шел рядом с ним. “Пообтерся слегка”, — сказал бы Бурлен.

Они расстались на площади Конвансьон.

— Позвоню, как только получу результаты, — обещал Бурлен, — это не займет много времени. Спасибо за помощь, но боюсь, вечером мне придется закрыть дело.

— Поскольку мы все равно ничего не поняли, — сказал Адамберг, беспечно махнув рукой, — можно дать волю фантазии. Мне, например, это напоминает гильотину.

Бурлен проводил взглядом уходящих коллег.

— Не беспокойся, — сказал он бригадиру. — Адамберг — это Адамберг.

Как будто этой фразы было достаточно, чтобы прояснить ситуацию.

— И все-таки, откуда он столько всего знает, ваш Данглар? Что у него в башке?

— Белое вино.

Не прошло и двух часов, как Бурлен позвонил Адамбергу: в первую очередь были начерчены вертикальные линии — сначала левая, потом правая.

— Как мы пишем *H*, — продолжал он. — Но затем она нарисовала вогнутую закорючку.

— То есть это не *H*.

— И не кириллическая буква. А жаль, этот вариант мне, пожалуй, понравился. Потом она добавила наклонную линию, проведя ее слева направо.

— Перечеркнула улыбку.

— Вроде того. Короче, этодохлый номер, Адамберг.

Ни инициалов, ни русского адресата. Просто неизвестный символ, непонятно кому предназначенный.

— Тому, кого она обвиняет в своем самоубийстве или предупреждает об опасности.

— Либо, — предположил Бурлен, — она действительно покончила с собой из-за болезни. Указав предварительно на что-то или на кого-то, может быть, на некое памятное событие. Прощальное признание на пороге небытия.

— А в чем признаются в последние мгновения жизни?

— В постыдной тайне, например.

— То есть?

— Внебрачные дети?

— Или грех, Бурлен. Или убийство. Что же такое совершила наша славная Алиса Готье?

— Славная, как же. Властная, непреклонная, а то и депотичная. Малоприятная.

— У нее не было проблем с бывшими учениками? С Министерством образования?

— Она была на хорошем счету, ее никогда не переводили на другое место работы. Сорок лет в одном и том же коллеже, в проблемном районе к тому же. Но ее коллеги утверждают, что ученики, даже самые хулиганистые, сидели не шелохнувшись у нее на уроках, иначе огребли бы по полной. Ты ж понимаешь, директора буквально молились на нее. Стоило ей появиться на пороге класса, как галдеж прекращался. Все боялись ее наказаний.

— Не телесных, случайно?

— Нет, судя по всему, ничего такого не было.

— А что тогда? Она заставляла по триста раз переписывать домашнее задание?

— А вот и нет. В наказание она переставала их любить. Потому что, видишь ли, она любила своих учеников. Вот где таилась угроза — им страшно было потерять ее любовь. Многие под тем или иным предлогом приходили к ней после уроков. Тетка была не промах — достаточно тебе сказать, что как-то раз она вызвала на ковер юного рэкетира, который непонятым образом меньше чем за час сдал ей своих подельников. Вот такая вот женщина.

— Отсекала лишнее.

— Ты все думаешь о гильотине?

— Нет, о пропавшем письме. О неизвестном молодом человеке. Возможно, это кто-то из ее бывших учеников.

— Какое отношение может иметь ее знак к этому ученику? Символ клана? Компании? Не зли меня, Адамберг, я должен закрыть дело.

— Так потяни немного. Хоть денек. Объясни, что изучаешь кириллицу. А главное, не говори, что это мы тебя надоумили.

— Зачем тянуть? Что у тебя на уме?

— Ничего. Хочу немного подумать.

Бурлен обреченно вдохнул. Он знал Адамберга достаточно давно, чтобы понимать: глагол “подумать” в его случае ничего не значит. Адамберг вообще не думал, не садился один за стол с карандашом в руке, не сосредотачивался, глядя в окно, не записывал все данные на доске, снабжая их стрелками и цифрами, не подписывал кулаком подбородок. Он просто болтался без дела, бесшумно ходил туда-сюда, слоняясь из одного кабинета в другой, что-то обсуждал, не торопясь бродил по округе, но никогда никто еще не видел, чтобы он

думал. Он напоминал рыбу, плывущую по воле волн. Нет, рыба не плывет по воле волн, у рыб всегда есть определенная цель. Адамберг был в этом смысле сродни губке, сносимой течением. Вопрос, каким течением. Кстати, поговаривали, что когда взгляд его подернутых пеленой глаз становится еще более отстраненным, в них всплывают водоросли. Его стихией было скорее море, чем суша.